

«Право на город»: Кронштадт глазами горожан

Кирилл Михайлович Королев^[1]

✉ cyril.korolev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8831-2970

^[1] АНО «Историко-культурный центр «Патрия», Санкт-Петербург, Россия

Королев, К. М. (2024). «Право на город»: Кронштадт глазами горожан. *Фольклор и антропология города*, VI(1-2), 39–57. DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-39-57.

В статье рассматривается социальное пространство современного Кронштадта, малого исторического города в черте Санкт-Петербурга, жители которого по сей день притязают на сохранение особой коллективной идентичности. В основу работы положены материалы, собранные в ходе интервьюирования горожан весной 2021 года. Кронштадтское социальное пространство характеризуется и описывается как ассамбляж, в котором взаимодействуют разнородные силы, определяя тем самым перспективы развития города — как с точки зрения городского хозяйства, так и в восприятии горожан. Выделяются четыре основных элемента текущей городской идентичности — или четыре составляющих «кронштадтского палимпсеста», а именно: оценка горожанами статуса и ресурсной позиции города в иерархии городской среды Санкт-Петербурга; определение административных и «естественных» границ города на территории острова Котлин; ранжирование кварталов по степени престижности и фольклоризация «неблагополучных» зон; отношение к притоку туристов и восприятие местными жителями «чужих», а также разделение городских достопримечательностей на «парадные» и «личные». Делается вывод, что «право на город», которого продолжают добиваться горожане сегодня, опираясь на историю и географическое положение населенного пункта и на собственные представления о предпочтительном укладе городской жизни, во многом определяет своеобразие кронштадтского ассамбляжа и выделяет этот малый город из совокупности российских городов-спутников мегаполисов.

Ключевые слова: Кронштадт, урбанистика, социальное пространство, ассамбляж, Санкт-Петербург, городская среда, идентичность

“A right to the city”: Kronstadt and its inhabitants

Cyril M. Korolev^[1]

✉ cyril.korolev@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8831-2970

^[1] The Patria Center for History and Culture, St. Petersburg, Russia

To cite this article:

Korolev, C. (2024). “A Right to the City”: Kronstadt through its inhabitants. *Urban Folklore & Anthropology*, VI(1–2), 39–57. (In Russian). DOI: 10.22394/2658-3895-2024-6-1-2-39-57.

The article examines the social space of modern Kronstadt, a small historical town within the boundaries of St. Petersburg, whose residents still claim to preserve a special collective identity. The work is based on materials collected during interviews with locals in the spring of 2021. Kronstadt’s social space is characterized and described as an assemblage in which heterogeneous forces interact, thereby determining the prospects for the town’s development — both in terms of urban economy and the perception of the townspeople. There are four main elements of the current urban identity—or four components of the “Kronstadt palimpsest”: first, the townspeople’s perception of the town’s status and resource position within the hierarchy of St. Petersburg’s urban environment. Second, the determination of the administrative and “natural” boundaries of the town on the territory of Kotlin Island. Third, the ranking of neighborhoods based on the degree of prestige, along with the folklorization of “disadvantaged” zones. And fourth, the attitude toward the influx of tourists and the perception of “strangers” by local residents, as well as the division of city attractions into “ceremonial” and “personal” ones. It is concluded that the townspeople’s ongoing pursuit of the “right to the city”, based on the history, geographical location of the settlement, and their own ideas about the preferred urban way of life, largely determines the uniqueness of the Kronstadt assemblage. This sets this small town apart from the array of satellite towns around Russian megacities.

Keywords: Kronstadt, urban studies, social space, assemblage, Saint Petersburg, urban environment, identity

Среди всего разнообразия городов-спутников Санкт-Петербурга, ныне входящих в городскую черту, Кронштадт занимает особое положение, причем не только и не столько в силу своей географической обособленности: этот населенный пункт до сих пор — во всяком случае, в восприятии его жителей, как будет показано далее, — воображается как нечто отдельное от Петербурга (хотя и, безусловно, тесно, даже неразрывно с последним связанное), как полноценное и самобытное социальное пространство с богатейшим историческим прошлым, как своего рода «город в городе». Такая специфика восприятия, разделяемая, насколько можно судить, к

примеру, по комментариям в социальных сетях, и многими гостями Кронштадта (как из Санкт-Петербурга, так и из остальных регионов России), для которых он — самостоятельный город «при Петербурге»¹, представляет немалый интерес для исследователей городской антропологии и побуждает задаваться вопросом о причинах подобной репрезентации.

Основанный в 1704 году как островная крепость для защиты морских подступов к Санкт-Петербургу, Кронштадт чуть позднее сделался главной военно-морской базой Балтийского флота и превратился в город-порт². Статус «колыбели флота» и морского (военно-морского) города он сохраняет по сей день, несмотря на фактическое прекращение коммерческой портовой деятельности еще в конце XIX столетия и на постепенную демилитаризацию городской жизни в постсоветский период (личные наблюдения 2021 года; см. также фрагменты интервью горожан далее). Возведение комплекса гидрозащитных сооружений Санкт-Петербурга (1979–2011) и открытие сквозного автомобильного движения по дамбе, благодаря чему было налажено бесперебойное наземное сообщение между северной и южной частями Невской губы Финского залива и обеспечена сухопутная коммуникация с Кронштадтом, лишило остров Котлин, на востоке которого расположен Кронштадт, прежней изолированности — и способствовало в последнее десятилетие значительному увеличению туристического потока в город. Недавние проекты инфраструктурного развития³ предусматривают комплексную застройку восточной части острова Котлин новыми микрорайонами и грозят, в относительно ближайшей перспективе, радикально изменить исторический облик Кронштадта. Все эти факторы в совокупности определяют отношение кронштадтцев к своему городу и во многом задают рамки их социального воображения, в пределах которого обживаемое пространство, если воспользоваться терминологией Анри Лефевра [Лефевр 2015], нередко конфликтует с понимаемым, то есть с тем, которое навязывается горожанам органами власти и управления. Совокупность структурированного индивидуального и коллективного опыта, составляющая обживаемое городское пространство (его, цитируя Лефевра, «скорее чувствуют, нежели мыслят»), зачастую оказывается — см. ниже фрагменты интервью, подтверждающие этот вывод — в противоречии с пространством понимаемым, которое определяется специалистами (урбанистами, управленцами, архитекторами и пр.) и получает воплощение в тех или иных материальных объектах, в программах рекон-

¹ См., например, ленту городского сообщества «Кронштадт» в социальной сети «ВКонтакте» [https://vk.com/v_kronshtadt], а также ленты других аналогичных сообществ.

² Подробно об истории Кронштадта см., например, [Крестьянинов 2002].

³ См. интервью руководителя проекта «Остров фортов» о планах застройки территории острова Котлин [<https://www.fontanka.ru/2021/05/13/69911438/>], а также описание инвестиционного проекта по обустройству бывшей Каботажной гавани [<https://www.fontanka.ru/2021/06/04/69951491/>]. Существуют и планы по освоению западной части острова — с созданием там туристско-рекреационного кластера рядом с природным заказником.

струкции и реновации и т. д.; это противостояние служит источником борьбы за «право на город», а также за «право помнить» (формы и способы коммеморации, важные для локальной исторической памяти)⁴.

Весной 2021 года группа исследователей провела в Кронштадте серию интервью с жителями города. Нас интересовало, как горожане оценивают свое место проживания, его историю и современное состояние, какие события «большого нарратива» (в данном случае — истории России) видятся им наиболее значимыми для Кронштадта и почему, как личная и семейная история вписывается людьми в общий исторический контекст, каковы надежды и опасения, связанные с городом, и в чем, по мнению жителей, заключается «изюминка» Кронштадта. Было опрошено более 30 респондентов в возрасте от 22 до 80 лет, 20 человек согласились дать развернутое интервью⁵; кроме того, эти же вопросы затрагивались и обсуждались на встречах с представителями городской администрации и муниципального совета, а также с духовенством РПЦ, окормляющим Кронштадт. Отмечу, что первоначально мы предполагали говорить именно об истории города и ее символическом измерении, однако — наверное, этого следовало ожидать, но для нас такой поворот разговоров оказался довольно-таки неожиданным — многие респонденты стремились перевести беседу в урбанистический контекст, перебрасывая мостик от событий прошлого к текущим городским проблемам⁶. Картина, которая складывается при контекстуальном анализе содержания этих интервью (с опорой на методологию изучения устной истории и *memory studies*, а также на включенное наблюдение)⁷, позволяет сделать несколько любопытных выводов о том, каков Кронштадт глазами его жителей, какое положение (ресурсную позицию) он занимает внутри городской иерархии Санкт-Петербурга и внутри общероссийской иерархии городских поселений, а также о том, в чем проявляется своеобразие кронштадтского социального пространства⁸.

⁴ См. выдержки из интервью горожан далее; о кронштадтских коммеморативных практиках см.: [Королев 2023].

⁵ Собеседования проводились в рамках реализации проекта «Кронштадт 1921–2021. 100 лет в памяти города и горожан» по гранту 21-1-017472 Президента РФ на развитие гражданского общества; исполнитель проекта — ЛНО «Историко-культурный центр “Патрия” (“Отчизна”» (Санкт-Петербург). Все интервью в текстовом виде и в формате аудиозаписи выложены на сайте «Территория Северо-Запад» [<http://patriacenter.ru/kronstadt-memorybank/>]; последующие цитаты из отдельных интервью приводятся с указанием ФИО респондента, но без ссылки на конкретный материал, чтобы не множить примечания.

⁶ Это стремление ярко проявилось и на презентации результатов интервьюирования на заседании Кронштадтского клуба краеведов в Центральной районной библиотеке; см. полную видеозапись презентации от 11.05.2021 [https://youtu.be/lhxc_6W5pcc], особенно ответы на вопросы к докладу и выступление представителя муниципального совета Кронштадта.

⁷ В ходе исследований были взяты 20 глубинных интервью, которые проходили в форме свободной беседы о личных воспоминаниях, связанных с историей советского и постсоветского Кронштадта; предварительно был составлен общий вопросник, но в ходе интервьюирования к нему приходилось прибегать крайне редко, поскольку респонденты в основном самостоятельно затрагивали практически все интересовавшие исследователей темы.

⁸ Благодарю коллег, принимавших участие в заседании городского антропологического семинара в Санкт-Петербурге в июне 2021 года, на котором обсуждались основные положения настоящей статьи, за конструктивную критику и полезные замечания.

Как представляется, для адекватного описания текущего социального пространства Кронштадта и социального воображения активной части городского населения будет полезным воспользоваться в качестве характеристики объединения разнородных элементов какой-либо среды термином «ассамбляж», предложенным Жилем Делезом и уточненным Бруно Латуром⁹ и Мануэлем Деландом ([DeLanda 2006], рус. пер. [Деланда 2018]). Этот термин, в отличие от «бриколажа» Клода Леви-Стросса, подразумевает не просто целое, несводимое к своим элементам, а такое целое, экстериорные части которого обладают «непроявленными» способностями; последние проявляются в моментальных формах взаимодействия, формируя новые отношения¹⁰. То есть важнейшим признаком ассамбляжа, наряду с комбинированием множества черт, выступает его «текущая» актуальность — он постоянно производится и трансформируется, демонстрируя, как меняется восприятие чего-либо, изнутри и снаружи, под воздействием тех или иных обстоятельств. В нашем случае таким обстоятельством-триггером стало 100-летие Кронштадтского восстания: эта дата обострила кронштадтские конфликты памяти, заставила горожан заново оценить собственное отношение к истории города в советский период и к действиям нынешних городских властей на поле исторической политики (имеются в виду прежде всего споры вокруг инициативы РВИО, поддержанной на федеральном, городском и районном уровнях, по установке рядом с Морским собором Николая Чудотворца на Якорной площади в Кронштадте памятника всем жертвам восстания; эта инициатива получила среди горожан крайне неоднозначную оценку)¹¹, вызвала довольно оживленную полемику в федеральном медиапространстве, что, безусловно, сказалось на росте популярности города у туристов, — и породила, собственно, ту социальную картину, которую мы наблюдали в Кронштадте весной 2021 года и которая нашла свое отражение в собранных интервью. Многие наши собеседники считали необходимым уточнить, что они предпочли бы обойти молчанием это «место памяти» (Пьер Нора) [Нора 1999], но в ходе разговора сами так или иначе затрагивали тему восстания — как того события, которое в немалой степени определило последующее развитие города, состав его населения, городской ландшафт и даже сегодняшнюю ментальную карту Кронштадта (см. ниже).

⁹ В опубликованном русском переводе работы «Пересборка социального» [Латур 2020] используется термин «сборка», но в отечественной научной литературе, как правило, принято говорить именно об «ассамбляже», по аналогии с искусствоведческой терминологией.

¹⁰ Об ассамбляже как урбанистическом концепте и различных применениях реляционной перспективы в городских исследованиях см., например [Агафонова 2015; Замятин 2020] и [Marskamp, Paulos, Cvetinovic 2016].

¹¹ Закладной камень памятника поместили у собора, но сам памятник в итоге был установлен не на площади, а за стеной Докового адмиралтейства, на территории, принадлежащей парку «Патриот» МО РФ, а не городу. Подробнее см. [Королев 2023]. О различных версиях локальной памяти и различных мемориальных нарративах, определяемых аксиологией конкретной социальной группы, см., например, [Мельникова 2019; Rosenwein 2008; Wertsh 2008].

Применительно к антропологическим исследованиям городской среды термин «ассамбляж» ввел в употребление К. Макфарлейн¹², и это понятие, на наш взгляд, позволяет достаточно полно и точно охарактеризовать социальное пространство Кронштадта, где, если отталкиваться от интервью и результатов включенного наблюдения, взаимодействуют разнородные и разнонаправленные силы. Наряду с собственно городскими — «низовыми» — инициативами, посредством которых жители Кронштадта отстаивают свое «право на город», по знаменитому выражению Лефевра, здесь проявляются и политические интересы, преследуемые на разных уровнях власти, от местной до федеральной (см. выше, например, историю с установкой памятника жертвам Кронштадтского восстания), а также географические и инфраструктурные особенности существования города, динамика появления/исчезновения рабочих мест и колебания цен на жилье, обуславливающая отношение к Кронштадту как к отдаленному спальному району Петербурга или как к особому и самостоятельному «месту для жизни» (из интервью) и т. д. Иными словами, кронштадтский ассамбляж собирается и пересобирается буквально на глазах и выделяет Кронштадт, как кажется, из числа прочих городов-спутников Петербурга, вошедших в городскую черту: в этом отношении с Кронштадтом нельзя сопоставлять ни Сестрорецк, ни Ломоносов (Ораниенбаум), ни Петродворец, которые уже давно переняли общую «петербургскую» идентичность¹³.

Среди установок самих горожан можно выделить четыре основных элемента текущей городской идентичности — или четыре составляющих «кронштадтского палимпсеста»¹⁴, по которым распределяются мнения и образуются группировки (группы интересов) внутри городского населения. Первый элемент — позиция относительно статуса Кронштадта в составе Санкт-Петербурга; второй — восприятие города как единого целого, несмотря на фактические его размеры, с островом Котлин. Третий элемент можно обозначить как «интериоризация»: это разделение городской территории на места обитания «своих» и «пришлых», с соответствующей фольклоризацией реальных и мнимых экзистенциальных угроз. Наконец четвертый элемент — это отношение к наплыву туристов и в целом к проводимой городскими властями (как местными, так и властями Санкт-Петербурга) политике развития города, к официальным коммеморативным практикам и к различным «сторонним» общественным и коммерческим инициативам.

¹²См. [McFarlane 2011a], [McFarlane 2011b], а также [Farias, Bender 2011]. По Макфарлейну, понятие ассамбляжа позволяет трактовать городскую среду как «процесс проживания городского пространства» горожанами и в полной мере отражает «процессуальность, реляционность, мобильность и неравномерность» городской пространственности (специальности Лефевра).

¹³О поглощении бывших городов-спутников и «растворении» их идентичности см., например, [Житин и др. 2020].

¹⁴В урбанистике метафора города и культурного ландшафта в целом как палимпсеста восходит к работам Дональда Майнига [Meinig 1979].

Что касается статуса Кронштадта, это, как выяснилось из глубинных интервью и опроса респондентов, не один вопрос, а сразу два. Во-первых, вызывает сомнения и некоторую путаницу — особенно у сто-ронних людей — двусмысленность положения «города в городе»: му-ниципальный округ «Кронштадтский» (с 2007 года), Кронштадтский район Санкт-Петербурга («в новейшей истории он всегда считался районом Ленинграда-Санкт-Петербурга») — и при этом город Крон-штадт; во-вторых, для многих остается неясным связанное с первым обстоятельство, а именно «ранг» Кронштадта, если можно так выра-зиться, в иерархии поселений — город это или не город. Показательно в этом отношении высказывание одного из респондентов:

Если происходит знакомство где-то не здесь, все равно говоришь, что ты не из Санкт-Петербурга, а из города Кронштадт, что это рядом с Санкт-Петербургом. Например, где-то на отдыхе бывает, когда мы летаем в дру-гую страну, либо в другой регион России. Все-таки кронштадтцы прежде всего говорят: «Мы из Кронштадта», «Из города Кронштадт, который на-ходится рядом с Санкт-Петербургом»¹⁵.

Другой респондент более категоричен:

Он считается районом Санкт-Петербурга, Кронштадтским районом Санкт-Петербурга, но это для того, чтобы из центра переводить финансы. На этом и заканчивается его Санкт-Петербуржье. Кронштадт был и остает-ся городом Кронштадтом, коронным городом. Назови его хоть деревней захудалой, он все равно останется коронным городом, что в названии, что в своей душе¹⁶.

Вообще противопоставление Кронштадта и Петербурга встреча-ется в ответах довольно часто, причем как по формальным («переводить финансы»), так и по более житейским, повседневным, обиход-ным признакам; ср.:

У нас какая-то своя картинка, своя аура. Мы, кронштадтцы, во-первых, ходим тише, чем в Санкт-Петербурге. Когда мы приезжаем в Санкт-Петербург, то многие обгоняют. У нас здесь время чуть-чуть потише, чем в Санкт-Петербурге, идет. Все как-то размеренно, по-здоровому, у нас не спешат. Еще у нас почти все друг друга знают, как в семье¹⁷.

По сути, Кронштадт позиционируется как малый исторический город¹⁸, который живет размеренной «здоровой жизнью» в противовес суматошному мегаполису.

Но противопоставление Петербургу свойственно далеко не всем респондентам; некоторые уверенно говорят, что Кронштадт — это Пе-тербург, в первую очередь по сходству архитектуры и по общей стро-гости городского облика:

¹⁵ Ж., 30+

¹⁶ М., 50+

¹⁷ М., 60+

¹⁸ Статистика Союза малых городов России [smgrf.ru] Кронштадт не учитывает, хотя в этой статистике отражаются не только города, но и муниципальные районы (округа).

Я всегда видела его красоту, красоту этих фасадов, линий и лепнины. Меня всегда возмущало, я считала себя оскорбленной словами, будто Кронштадтский мятеж — это плод агитации среди неграмотных крестьян. Мой город строили Казаков и Штакеншнейдер, Захаров и другие. Государь Петр Великий здесь провел больше времени, чем в Санкт-Петербурге, и ты понимаешь, что мы — просто аванпост, авангард столичного города Санкт-Петербург. Поэтому здесь не могло [быть] трусов на балконе, поэтому здесь были коммунальные прачечная и сушилка, поэтому здесь по линейке подстриженные деревья, поэтому здесь ходят строем. Это лицо столичного города¹⁹.

Я считаю, что Кронштадт — это Петербург. Мало того, я очень чувствительна к архитектуре и к ансамблю архитектурному. В любом городе, где бы я ни путешествовала, ни оставалась, для меня это очень важно. И по архитектуре в старом городе это малый Петербург, даже Гостиный двор, малый Гостиный двор, большой Гостиный. Если взять наш этот пятачок небольшой, до Финского залива практически, если мы туда пойдем вглубь по проспекту Ленина — это вообще будет чистый малый Петербург²⁰.

Впрочем, такое отождествление двух городов — все-таки редкость, по большей части в ответах преобладает кронштадтский патриотизм:

Кронштадт — это Кронштадт. Начнем с того, что уже в советское время Кронштадт считался районом Санкт-Петербурга, но всегда был закрытым и таинственным городом. Когда узнавали, что мой муж из Кронштадта, то люди старшего поколения так многозначительно кивали: «О!»... Петербург совсем другой, он жил совсем другой жизнью, красивой, насыщенной необыкновенными людьми — артистами, писателями. Это был Питер, со своими запахами, со своими театрами. А Кронштадт был отдельно. Корабли на рейде, которые ты мог увидеть только в Кронштадте, совершенно другие люди... Никогда не может быть Кронштадт Петербургом. Раньше мы просто писали «город Кронштадт» и адрес, а теперь пишем: «Санкт-Петербург, город Кронштадт, адрес». [Но] для меня Кронштадт и Санкт-Петербург совершенно разные. Здесь вроде бы район, всего сорок тысяч населения, но это отдельный город²¹.

Квинтэссенцией этой точки зрения можно считать следующие слова: «Конечно, теперь это район Санкт-Петербурга, но формально это отдельная страна»²².

Безусловно, местный патриотизм и его конструирование, «снизу» и «сверху», суть явления, чрезвычайно характерные для малых городов, желающих тем или иным образом обосновать свою самобытность и подчеркнуть общую городскую идентичность («брендировать» себя и свою воображаемую территорию²³). Однако в Кронштадте — во всяком случае, на низовом уровне — это локальное патриотическое устремление порой принимает гипертрофированные формы, как сле-

¹⁹ Ж., 60+

²⁰ Ж., 40+

²¹ Ж., 60+

²² М., 50+

²³ О брендинге территорий и его современных практиках в России см. [Ахметова, Петров, Байдуз 2018].

дует из ряда приведенных выше цитат («все равно останется коронным городом», «отдельная страна» и др.). Не исключено, что этот гиперсемантический, стоящий за образом Кронштадта у части горожан, обусловлен обособленностью и долгой закрытостью города²⁴ (пропускной режим въезда отменили только в 1996 году): старшее поколение жителей привыкло гордиться своим особым положением — обитателей «строного» и «парадного» военно-морского города²⁵ рядом со «штатским» Ленинградом-Петербургом, — и потому вкладывает в этот образ обилие смыслов, противопоставляя Кронштадт соседнему мегаполису; ср.:

Наверное, я привыкла с детства, что мы такие отдельные, и у нас здесь было очень много военных, тоже своя специфика, и мы привыкли, что мы живем отдельно. Я чувствую, что не живу в Санкт-Петербурге, живу все-таки в Кронштадте, а Санкт-Петербург — он в стороне²⁶.

Более молодые респонденты уже не склонны драматизировать отношения двух населенных пунктов (но при этом упорно подчеркивают городской статус Кронштадта, как и старшие²⁷):

Конечно, Кронштадт исторически связан с Петербургом, он невозможен, немислим без него, потому что у нас все напоминает о Петербурге²⁸;

Кронштадт и Петербург соотносятся так — у них общая история. Мне кажется, они взаимосвязаны. Нет полностью отдельного Петербурга и нет Кронштадта самого по себе. Для меня это одно целое, единая система. Их трудно разделить²⁹.

Для многих горожан, судя по интервью (см. цитаты ниже), город простирается от восточной оконечности острова Котлин до западной, охватывает фактически весь остров — хотя формально городской

²⁴ Автору статьи доводилось бывать в других ранее закрытых городах — в том же Северодвинске под Архангельском, в подмосковной Дубне и в Сосновом Бору под Санкт-Петербургом; опираясь на личные впечатления, отмечу, что с подобным локальным патриотизмом я столкнулся — в городских масштабах — именно и только в Кронштадте.

²⁵ Ср.: «А когда город открылся, какие были ощущения? — Плохое было ощущение, ужасное. Наплыв людей — остров столько не может принять» [Ж., 70+].

²⁶ Ж., 30+

²⁷ В этом навязчивом стремлении постоянно обозначать городской статус поселения, разумеется, также проявляется локальный патриотизм, желание уберечь «свое» от поглощения «хищным большим городом», если воспользоваться метафорой Георга Зиммеля. Если Кронштадт и Петербург — города, значит, они в каком-то отношении равноправны, и Петербург не вправе притязать на поглощение Кронштадта, а Кронштадт никогда не «растворится» в Петербурге так, как растворились, к примеру, Стрельна или Сестрорецк; ср.: «Это их город, их остров, они на нем живут, и туристов (как и вообще всех «чужих»). — К. К.) они воспринимают как пришельцев» [М., 50+]. Подразумеваемое равноправие Кронштадта и Петербурга, кстати, проявляется и в замечаниях о том, что Петербург для кронштадтца — это не «город», а именно Петербург, что «городом» называют только историческую часть Кронштадта, а ближайшего соседа, административно являясь его частью, называют исключительно по имени: «Мы никогда не говорим, что едем в Петербург — едем в Питер. А город — это город, это Кронштадт. Путаницы не возникает. Город — это то, что за Кронворотами» (Кронворота — Кронштадтские ворота, въезд в историческую часть Кронштадта) [Ж., 30+]. О такой разновидности локального патриотизма и его проявлениях в малых городах современной России см. [Черныш, Маркин 2020].

²⁸ Ж., 30+

²⁹ Ж., 30+

границей выступает Кольцевая дорога, за которой расположен лишь «20-й квартал», то есть кладбище. Та часть острова, которая расположена за КАД, считается «загородом», это место, «полезное для шашлыков», хотя там находятся старинные фортификационные сооружения — Демидовские батареи, форты «Шанец» и «Риф». Ср.:

У нас традиционно весь город ездит на «шанцы», чтобы провести там время. Там хорошие песчаные пляжи, пусть мелко, зато там хорошо прогревается вода... Или на огороды. Там же еще огороды, две сотки кронштадтские никуда не делись, многие старожилы имеют там участки, ездят туда постоянно. Конечно, огородики потихоньку уходят в историю, но еще пока сохраняются. Там хозяйственная и рекреационная зона³⁰.

При этом граница между «городом» и «загородом» очень размыта, ее никак не назовешь строгой:

Остров Котлин и Кронштадт — для меня это практически одно и то же... Это тот же Кронштадт, и форт «Константин» для меня тоже Кронштадт. Все, куда не надо добираться по воде, — это Кронштадт. А по воде — это уже другой район. Даже до форта «Константин» можно дойти пешком. Где можно дойти пешком — это все Кронштадт, это остров Котлин³¹.

В таком восприятии просматривается своего рода «стихийная гетеротопия»³², понимание «загорода» как части города и города как слитого с «загородом»; Кронштадт, по сути, присваивает себе — в восприятии горожан — ту территорию острова, «куда можно дойти по суше», становится одновременно включающим и включенным пространством, естественные границы которого определяются сугубо географически, по противопоставлению суши и воды. Любопытно, к слову, что на выезде из Кронштадта на КАД нет таблички «Конец населенного пункта» (точнее, она есть, но уже фактически на магистрали, то есть город простирается за КАД и согласно ПДД), следовательно, и с официальной точки зрения Кронштадт — это весь остров Котлин, по крайней мере, до границы природного заказника на западной оконечности. Правда, подобное понимание города-острова, присущее коренным кронштадтцам³³, как ни забавно, допускается только для

³⁰ М., 30+

³¹ Ж., 30+

³² Согласно М. Фуко, пространство/ландшафт приобретает свойство гетеротопии, когда оно используется, воспринимается и воображается различными сообществами, группами или отдельными людьми с разными целями и в рамках различных представлений (бытовых, возрастных, гендерных, профессиональных, социокультурных и т. д.). См. [Фуко 2006].

³³ О коренных кронштадтцах следует говорить осторожно, поскольку город и остров пережили с 1921 года несколько волн заселения: после Кронштадтского восстания, затем после Великой Отечественной войны и ряда сталинских судебных процессов, прежде всего, «ленинградского дела», а затем в середине 1970-х годов, с началом строительства дамбы. Фактически состав населения города радикально менялся всякий раз, поэтому коренными, за редкими исключениями, сегодня называют себя те, кто живет в Кронштадте с 1950-х годов. Ср.: «Конечно, над городом Кронштадтом был проведен жестокий социальный эксперимент. После событий 1921 года отсюда были практически выселены местные. По спискам приходов первыми после революции закрылись протестантские храмы, католические храмы, татарская мечеть, еврейская синагога закрылась, потом уехали дворяне, и дальше покатило. Моя мама родилась здесь, а ее мама, бабушка моя, приехала к своему брату, который прибыл сюда по комсомольскому призыву.

«своих»: когда местные слышат от не слишком начитанных туристов об «острове Кронштадт», это обижает и огорчает: «К сожалению, слово “Котлин” никто не знает»³⁴; но все же, повторюсь, в представлении большинства горожан сам город растягивается до размеров острова — точнее, он превращается в нечто условное, лишённое признаков города, однако сохраняющее некие опознаваемые черты: «Вот, наверное, многие со мной согласятся — это Кронштадт как место, остров, но не город»³⁵.

В отличие от «загорода» с его метафизическим статусом «места» и отсутствием границ между ним и городом, сам Кронштадт, как оказалось, расчерчен незримыми границами, отделяющими городские районы (кварталы) друг от друга. Ментальная карта Кронштадта, существующая в коллективном воображении горожан, делит восточную половину острова Котлин на условные «естественные» зоны, если вспомнить терминологию Чикагской школы. Те, кто живет в исторической части Кронштадта, ранее обнесённой крепостными стенами, очевидно гордятся этим фактом: на прямой вопрос респонденты, конечно, отрицали, что испытывают чувство превосходства и поглядывают свысока на жителей кварталов вне крепостных стен, но по их рассказам это чувство вполне угадывается. «Может, для жителей 19-го квартала он [город] у КАДа и заканчивается. Но для меня как для жителя старого города он заканчивается Кронштадтскими воротами. Потому что дальше уже не город...»³⁶; «Считается, что [за воротами] почти маргинальная резервация»³⁷. В самом историческом городе тоже имеется менее престижный район — так называемая Гора ближе к восточной оконечности острова (эта небольшая возвышенность никогда не затопливалась при наводнениях), но и Гора³⁸, и даже 16-й квартал сразу за бывшей крепостной стеной принадлежат «старому» городу, а вот 19-й квартал, прямо у съезда с КАД, пользуется дурной славой.

Это «выселки», какое-то иное пространство, отчуждённое от «города» (по рассказам горожан, только жители этого квартала говорят, что едут в город, когда собираются за чем-либо в исторический центр):

Такие, как он, приезжали отовсюду. Потом новая волна, у нас ведь мели метлой в ходе всех дел, которые затевались: и “медицинское дело”, и “ленинградское дело”, и прочие. Но все мои одноклассники гордились тем, что мы, Кронштадт, — это часть Санкт-Петербурга, только островная. В силу определенной политической ситуации нас закрыли как драгоценную часть, что позволяло нам сохраниться без изменений» [Ж., 60+].

³⁴ Ж., 50+

³⁵ Ж., 40+

³⁶ Ж., 30+

³⁷ Ж., 30+

³⁸ Ср.: «Помню, как меня резануло слово “загород”. Для меня “загород” — это за населённым пунктом, когда пошли деревни, коровы и так далее. А тут загород уже за Кронштадтскими воротами получается. Мне кажется, что для людей, которые здесь родились, это важный контраст. Для многих из них и Гора — чуть ли не знак второго сорта» [М., 50+]; «Сама я жила в Кронштадте по разным адресам, в том числе и на Горе, на улице Пролетарской, а сейчас в купеческой части живу, на Посадской. И могу сказать, что отсюда Гора по-прежнему кажется какой-то необжитой, темной. Там не проходит никаких массовых мероприятий, там нет каких-то увеселительных заведений. Там все как-то мрачно, казарменно» [Ж., 60+].

Когда только-только стали давать квартиры, когда построили первые дома, у моего отца родители получили квартиру в квартале, я иногда их навещала. Потом появилась одноклассница, которая там жила, а мы еще обитали в городе. Как-то съездила к ней в гости и потом я очень долго — подростковые ощущения — просто нереально долго — ждала автобус. Я вернулась домой, мне родители говорят: «Ты где была вообще? Мы тут с ума сходим». Тогда было ощущение, что ты не то чтобы на выселках, а где-то в другом месте³⁹.

Здесь, в самом городе, мы куда-то вышли, например, и если меня кто-то остановил, я говорю, что иду на Красную улицу, на Широкую, на Якорную площадь. А в 19-м квартале они говорят, когда едут в центр, что в город собираются. Значит, они сами как-то себя отделяют. Не чувствуют себя в городе⁴⁰.

Этот квартал — местные говорят «квартал» — отчасти до сих пор остается в восприятии горожан диким и неухоженным местом, несмотря на довольно развитую инфраструктуру:

Лично я не считаю тот квартал городской чертой, у меня осталось представление о каких-то, как раньше говорили, «выселках». Там были пески, там вечно горы песка стояли, там строились дома, я прекрасно помню, как это было. Сейчас это черта города, хотя в силу той архитектуры, которая там есть, квартал не имеет ничего общего с городом Кронштадт. Типичные дома, какие-то новостройки, какой-то пригород. Так это и остается в восприятии коренных кронштадтцев⁴¹.

Для меня это не город, это просто жилой массив, который находится на нашем острове⁴².

Не удивительно, что эта территория постепенно обросла собственным легендарным:

Знаменитый район, раньше за глаза его называли «Простоквашино». Когда начинали строить дамбу, его стали заселять, и постепенно сложилась отдельная небольшая структура — банки, садик, отделение поликлиники, супермаркеты. А «Простоквашино»⁴³ потому, что там просто квасили — приезжали рабочие с работы и квасили, вот и получилось «Простоквашино»⁴⁴.

Поселения крохотные там были в дореволюционный период, даже Иоанн Кронштадтский дачу организовывал на Рыбацкой косе, еще имелись заводы по переработке вторсырья, кирпичные заводы и так далее. Но когда пошел процесс индустриализации, укрупнения, город все втянул на себя. В период революции и депрессии послереволюционной было даже решение об уменьшении численности, физическом уменьшении численности жителей Кронштадта, потому что их нечем занять. Просто выселя-

³⁹ Ж., 30+

⁴⁰ М., 60+

⁴¹ Ж., 50+

⁴² Ж., 60+

⁴³ По другой версии [Ж., 50+] это название возникло благодаря тому, что там пасли коров и жители исторической части Кронштадта ходили/ездили туда за молоком и молочными продуктами.

⁴⁴ Ж., 30+

ли. Потом эти домики снова заселили, но все закончилось, когда начали строить 19-й квартал⁴⁵.

Впрочем, постепенно различия между исторической частью и «выселками» сглаживаются. Молодое поколение кронштадтцев даже видит в жизни на «выселках» некоторые преимущества:

Да, я знаю, что в этих районах давали квартиры тем, кто строил дамбу, кто на ней работал, то есть, соответственно, костяк микрорайонов сложился в те времена, но мы все понимаем, что люди меняются, переезжают... 19-й квартал⁴⁶ живет немножечко своей жизнью, потому что он оторван от основного города, потому что он находится как бы между Петербургом и исторической частью Кронштадта... Кто-то, например, говорит, что он похоже на некое «гетто». А мне не очень нравится отсутствие там исторических зданий, памятников архитектуры. Да, сейчас началось благоустройство, район действительно преобразился, но все равно это современный район, и, наверное, там хорошо жить людям, которые любят все современное. Некоторые люди стремятся купить квартиру именно там, потому что это квартиры в современных домах, с инфраструктурой, с лифтами, с прекрасными видами с верхних этажей⁴⁷.

Планы обустройства территории Котлина, подготовленные проектом «Остров фортов», предусматривают комплексную застройку ныне почти пустующих участков земли между 16-м и 19-м кварталами, поэтому прежние «выселки» достаточно скоро окончательно перестанут быть таковыми и сольются с остальными кварталами в единый городской массив, в том числе и благодаря планируемой морской набережной. В какой-то степени жаль, что этот источник городского фольклора и городских страхов, связанных с отдельными районами проживания⁴⁸, обречен на исчезновение из-за утраты кварталом своей обособленности, но урбанизация этого «недоосвоенного» пространства при активной поддержке местной и городской (петербургской) администраций, важных участников кронштадтского ассамбляжа, видится неизбежной.

Четвертый вектор кронштадтской идентичности — это отношение к наплыву туристов и вообще восприятие города как «своего» социального пространства, на которое покушаются различные «чужаки», от властных структур до «чужих» общественных и коммерческих организаций. Что называется, не для печати многие из тех, с кем довелось говорить в Кронштадте, так или иначе высказывали недовольство

⁴⁵ Ж., 60+

⁴⁶ Отмечу, что и по сей день квартиры в 19-м квартале уступают в стоимости квартирам в историческом центре Кронштадта, а среди районов Санкт-Петербурга Кронштадтский уступает почти всем «материковым», и потому многие из тех, кто хотел бы купить квартиру в Петербурге, но не имеет достаточных средств на «город», соглашались на Кронштадт. См. некоторые подробности по этому поводу в интервью «новых горожан».

⁴⁷ Ж., 30+

⁴⁸ Об устной истории Кронштадта и фольклоризации городских районов см., например, [Савин 2014], а также [Наумова 2020]. О городских страхах и легендах, их разнообразии и значении для современной фольклористики и социальной антропологии см. [Архипова*, Кирзюк 2021: 14–60; Панченко 2015]. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

сторонним вмешательством в дела города — мол, сегодня всем заправляют «варяги», участие горожан в реализации «права на город» минимально. Можно предположить, что здесь проявляется, опять-таки, типичное для малого города, сообщества «семейного типа», в котором все друг друга знают⁴⁹, настороженное отношение к «пришлым»; по мере дальнейшей урбанизации Котлина и размывания «семейного» сообщества это отношение, как представляется, наверняка будет ослабевать.

Что касается наплыва туристов, эта ситуация вызывает у горожан отторжение в первую очередь из-за непривычного многолюдья и транспортных заторов⁵⁰:

Я сама рядом с Морским собором живу — ощущается очень сильно. Я бы не сказала, что как-то психологически, а именно физически; некомфортно стало просто ходить даже по центру... Скученность, народ везде⁵¹...

То, что сейчас пробки на въезде в Кронштадт, конечно, очень плохо, особенно летом, но я очень надеюсь, что когда-нибудь запустят обещанный скоростной трамвай по дамбе или вообще метро какое-нибудь сделают для Кронштадта⁵².

Нужно, конечно, регулировать и транспортную проблему решать. Еще хочется гостиниц, тогда поток туристов будет не настолько агрессивным, потому что сейчас три-четыре дня за сезон — на пике — город просто умирает под толпами приезжих. В короткий летний период все пытаются сюда попасть, а кронштадтцы пытаются отсюда уехать, чтобы пережить нашествие это где-нибудь подальше⁵³.

С другой стороны, все респонденты признают, что без туристов город обречен на тихое угасание:

У Кронштадта должно быть будущее, и меня не огорчает, что это будущее за туристическим городом. По мне, очень хорошо, что восстанавливаются исторические объекты, которые могут быть интересны туристам. Знаю, что многие кронштадтцы очень ревностно относятся ко всем этим реставрациям, новоделам, переменам, мол, раньше было заброшено, но красиво, и атмосфера была романтическая. Но мы же понимаем, что это атмосфера романтическая через 20 лет может обернуться тем, что придется просто на груде кирпичей жить. Я не хочу жить на груде кирпичей, мне очень радостно, что здания восстанавливаются, и пусть люди приезжают⁵⁴.

⁴⁹ Ср.: «Раньше руководители были кронштадтцами... А сейчас все как варяги, последним из местных был Скрябин. Он был первым замом главы города, если в баню приходил, ему каждый мог сказать — слушай, Володя, что ж вы там натворили-то... А нынешние все не отсюда... Раньше глава города Суриков жил со мной в одном дворе, мы вместе гуляли с собаками, я мог задать ему любой вопрос. Он же знал, что я по-соседски могу сказать ему что-то неприятное» [М., 60+]. О малых городах и «семейности» их социального пространства см., например, [Маркин, Черныш 2019].

⁵⁰ В 2018 году городские власти планировали принять в Кронштадте до 5 000 000 туристов, сегодня эти планы скорректировали и говорят о 3 000 000 туристов ежегодно при численности городского населения чуть более 40 000 человек. О «сверхтуризме» и его последствиях см., например, [Milano 2019].

⁵¹ Ж., 40+

⁵² Ж., 30+

⁵³ Ж., 30+

⁵⁴ Ж., 30+

Сейчас Кронштадт, если говорить об этом, переживает свою белую полосу... Идет развитие города, идет приток финансовых средств, новые люди приезжают в Кронштадт, трудятся здесь, свой вклад вносят. Возрождаются храмы, ремонтируются дома, даже исторический центр, возрождаются форты. Все, что наработано за триста с лишним лет существования города, сейчас приходит к людям⁵⁵. Так что, наверное, это и вправду белая полоса⁵⁶.

Понимаю, что ради одних местных жителей никто не станет сворачивать горы, строить всякие канатные дороги⁵⁷ и форты восстанавливать. Поэтому пускай все восстанавливается, пускай обретает новую жизнь, новый смысл⁵⁸.

Стоит, пожалуй, отметить еще одно обстоятельство, непосредственно связанное с туризмом в Кронштадте: многие респонденты признавались, что для себя делят городские достопримечательности на «парадные», назовем их так, и «личные». Скажем, сразу несколько респондентов сообщили, что гостей города, никогда ранее в нем не бывавших, они непременно отведут в Морской собор Николая Чудотворца, но «для души» предпочтут отправиться во Владимирский собор, поскольку там обстановка «домашнее». То же самое верно для ряда других «парадных» мест монументальной памяти, по определению Пьера Нора, будь то ворота Петровского дока, Дерево желаний (современный арт-объект, к которому подъезжают туристические автобусы) или кронштадтский футшток, — для всех обязательно найдутся «личные» заменители. Отчасти такое разделение тоже отражает характерную черту кронштадтского ассамбляжа — деление на «свое» и «чужое», но со сменой поколений различие «парадного» и «личного» стирается: более молодые респонденты в нашем опросе не скрывали, что Морской собор, к примеру, обладает несомненным «вау-эффектом» и потому для них притягательнее, чем сравнительно скромный Владимирский. Это постепенное затухание «личных» мест памяти, к слову, наглядно показывает текучую природу местного социума и убеждает, как и трансформации других описанных выше элементов идентичности кронштадтского сообщества, в обоснованности применения понятия «ассамбляж», которое позволяет охватить значительное разнообразие мнений и установок, существующих в социальном пространстве города.

Итак, реализация «права на город» — или деятельность в области воспринимаемого по трехчастной модели Лефевра, в которой воспринимаемое есть промежуточное звено между понимаемым и обживаемым, пространство практических осознанных решений,

⁵⁵ Это замечание побуждает вспомнить теорию «музеефикации как компенсации» Иохима Риттера и Германа Люббе: прошлое, когда-то органичное для современников, возвращается к потомкам в институционализированном виде. См. [Lubbe 1982; Ассман 2012].

⁵⁶ Ж., 50+

⁵⁷ Первоначально в планах проекта «Остров фортов» присутствовала постройка канатной дороги от Санкт-Петербурга до Кронштадта, но теперь эти планы урезали до короткого участка в самом Кронштадте — от Петровского дока до форта «Александр Первый».

⁵⁸ Ж., 30+

итог взаимодействия дорефлективного обживаемого и навязываемого понимаемого, — осуществляется в Кронштадте способами, во многом отличными от тех, что свойственны другим малым городам современной России, расположенным поблизости от городов крупных. Если большинству таких малых городов тяготеет к слиянию с крупным соседом (примерами тут могут служить, скажем, подмосковные Видное, Егорьевск или Домодедово, Сестрорецк и Всеволожск под Санкт-Петербургом и др.⁵⁹), то Кронштадт, как представляется, сопротивляется — по крайней мере, на низовом уровне — притяжению Санкт-Петербурга и намерен впредь сохранять, насколько это возможно, собственную, самостоятельную идентичность. Ср.: «У многих здесь есть — наверное, очень пафосно прозвучит — неразрывная связь с землей... Это некая малая родина, и они чтят свою историю, которая передается [из уст в уста], не только по учебникам истории, по телевизору и по радио»⁶⁰. С другой стороны, неизбежная смена поколений и общая урбанизация «большого Петербурга», охватывающая все без исключения районы, безусловно, меняют привычный для кронштадтцев городской ландшафт и пересобирают местный ассамбляж, а логика социального развития подсказывает, что в сравнительно близком будущем эта отчасти пасторальная картина «своего» Кронштадта существенно преобразится. Уже сегодня наблюдаются отчетливые признаки преобразования города: это и реализация планов застройки пустующих территорий проектом «Остров фортов», и постепенное изменение демографического состава населения за счет приезжих, приобретающих квартиры, лишенных «кронштадтского духа» и воспринимающих Кронштадт как «дешевый Петербург» (из личных наблюдений), и усиления властей по дальнейшему развитию туристического потенциала города в ущерб прежней обособленности и замкнутости. Разумеется, материальное историческое «ядро» города сохранится, однако само социальное пространство Кронштадта будет рано или поздно трансформировано, и «кронштадтский палимпсест», если воспользоваться метафорой Дональда Майнига, вновь подвергнется стиранию — для нового заполнения.

Литература

- Агафонова, А. Г. (2015). Реляционный подход в городских исследованиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*, XVIII(4), 96–110.
- Архипова, А. С.*, Кирзюк, А. А. (2021). *Опасные советские вещи. Городские легенды и страхи в СССР*. М.: Новое литературное обозрение. (*А. С. Архипова признана иностранным агентом).

⁵⁹ Об этой тенденции см. уже упоминавшийся сборник [Малые города 2019], а также [Подлесная 2021; Мкртчян 2013].

⁶⁰ М., 50+

- Ассман, А. (2012). Трансформация нового режима времени. *Новое литературное обозрение*, 116(4), 16–31.
- Ахметова, М. В., Петров, Н. В., Байдуж, М. И. (Ред.). (2018). *Воображаемая территория: от локальной идентичности до бренда*. М.: Неолит.
- Деланда, М. (2018). *Новая философия общества. Теория ассамбляжей и социальная сложность*. Пермь: Гиле Пресс.
- Житин, Д. В., Кришьяне, З., Секи, Г., Берзиньш, М. (2020). Пространственные различия социальной дифференциации в постсоветский период: сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Риги. *Балтийский регион*, 12(1), 85–114. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-6.
- Замятин, Д. Н. (2020). Пространство и гетеротопия: к семиотике метагеографического воображения. *Человек, образ и сущность*, 41(1), 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02.
- Королев, К. М. (2023). Кронштадт между памятованием и забвением: сетевые баталии в год 100-летия Кронштадтского восстания. В А. Ф. Павловский, А. И. Миллер (Ред.). *Память в Сети: цифровой поворот в memory studies*, 76–92. СПб.: Изд-во ЕУ в СПб.
- Крестьянинов, В. Я. (2002). *Кронштадт. Крепость, город, порт*. СПб.: Остров.
- Латур, Б. (2020). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. М.: Strelka Press.
- Маркин, В. В., Черныш, М. Ф. (Ред.). (2019). *Малые города в социальном пространстве России*. М.: ФНИСЦ РАН.
- Мельникова, Е. А. (2019). Блокада как общее место публичных споров. *Неприкосновенный запас*, 128(6), 142–156.
- Мкртчян, Н. В. (2013). Внутренняя миграция в России. В Н. В. Мкртчян, Е. В. Тюрюканова (Сост.). *Миграция в России 2000–2012. Хрестоматия в 3 томах. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции*, 589–601. М.: Спецкнига.
- Наумова, М. (2020). Новые общественные пространства Кронштадта: эффекты музеефикации городской среды: Доклад на городском антропологическом семинаре Санкт-Петербурга.
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ш. Пюимежа, М. Винока. *Франция – память*, 17–50. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета.
- Панченко, А. А. (2015). Антропология и конспирология. *Антропологический форум*, 2015(27), 89–94.
- Подлесная, М. А. (2021). Малый город в условиях формирования агломераций: шанс выжить или удар модернизации? *Социологическая наука и социальная практика*, 9(3), 184–200.
- Савин, С. О. (2014). Географическое воображение и пространственные мифы в устных свидетельствах (на примере города Кронштадт). *Сравнительная политика*, 17(4), 80–82.
- Фуко, М. (2006). Другие пространства. В М. Фуко. *Интеллектуалы и власть*, 191–205. М.: Практика.
- Черныш, М. Ф., Маркин, В. В. (Ред.). (2020). *Пространственное развитие малых городов: социальные стратегии и практики*. М.: ФНИСЦ РАН.
- DeLanda, M. (2006). *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. New York: Bloomsbury Academic.
- Farias, I., Bender, T. (2011). *Urban assemblages: How actor network theory changes urban studies*. London, New York: Routledge.
- Lubbe, H. (1982). *Fortschritt als Orientierungsproblem – Aufklärung in der Gegenwart*. Freiburg.
- Marskamp, M., Paulos, J., Cvetinovic, M. (2016). Assembling cities: Studying planning practices and urban issues with STS. In *ETH/EPFL Summer School 2016*.
- McFarlane, C. (2011a). Assemblage and critical urbanism. *City*, 15(2), 204–224. DOI: 10.1080/13604813.2011.568715
- McFarlane, C. (2011b). The city as assemblage. *Environment and Planning*, 29(4), 649–671. DOI: 10.1068/d4710.
- Meinig, D. W. (1979). *The Interpretation of Ordinary Landscapes*. New York: Oxford University Press.

- Milano, C., Novelli, M., Cheer, J. M. (2019). Overtourism and degrowth: A social movement perspective. *Journal of Sustainable Tourism*, 2019(27), 18–58.
- Rosenwein, B. (2008). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University.
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.

References

- Agafonova, A. (2015). Relational trend in Urban Studies. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, XVIII(4), 96–110. (In Russian).
- Akhmetova, M., Petrov, N., Baiduzh, M. (Eds.). (2018). *An Imaginable Territory: from the local identity to a brand*. Moscow: Neolit. (In Russian).
- Arhipova, A., Kirzjuk, A. (2021). *Dangerous Soviet Things. Urban Legends and Fears in the USSR*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).
- Assman, A. (2012). Transformations between history and memory. *New literary observer*, 116(4), 16–31. (In Russian).
- Chernysh, M., Markin, V. (Eds.). (2020). *The Spatial development of small towns: social strategies and practices*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- DeLanda, M. (2006). *A new philosophy of society: Assemblage theory and social complexity*. New York: Bloomsbury Academic.
- DeLanda, M. (2018). *New philosophy of society. Assemblage theory and social complexity*. Perm: Gile Press. (In Russian).
- Farias, I., Bender, T. (2011). *Urban assemblages: How actor network theory changes urban studies*. London, New York: Routledge.
- Foucault, M. (2006). Other spaces. In M. Foucault. *Intellectuals and Power*, 191–205. Moscow: Praxis. (In Russian).
- Korolev, K. (2023). Kronstadt between remembering and oblivion: Online battles in the year of the 100th anniversary of the Kronstadt uprising. In A. Pavlovsky, A. Miller (Eds.). *Memory on the Web: The Digital Turn in Memory Studies*, 76–92. St. Petersburg: European University at Saint-Petersburg Publishing House. (In Russian).
- Krest'yaninov, V. (2002). *Kronstadt. The Fortress, the town, the port*. St. Petersburg: Ostrov. (In Russian).
- Latur, B. (2020). *Reassembling the social: An introduction to actor-network-theory*. Moscow: Higher School of Economics Publishing. (In Russian).
- Lefebvre, A. (2015). *Production of space*. Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Lubbe, H. (1982). *Fortschritt als Orientierungsproblem – Aufklärung in der Gegenwart*. Freiburg.
- Marskamp, M., Paulos, J., Cvetinovic, M. (2016). Assembling cities: Studying planning practices and urban issues with STS. In *ETH/EPFL Summer School 2016*.
- Markin, V., Chernysh, M. (Eds.). (2019). *Small Towns in the Russian Social Space*. Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences. (In Russian).
- McFarlane, C. (2011a). Assemblage and critical urbanism. *City*, 15(2), 204–224. DOI: 10.1080/13604813.2011.568715
- McFarlane, C. (2011b). The city as assemblage. *Environment and Planning*, 29(4), 649–671. DOI: 10.1068/d4710.
- Meinig, D. W. (1979). *The Interpretation of Ordinary Landscapes*. New York: Oxford University Press.
- Mel'nikova, E. The blockade as a focus of public disputes. *Neprikosnovennyj zapas*, 128(6), 142–156. (In Russian).
- Milano, C., Novelli, M., Cheer, J. M. (2019). Overtourism and degrowth: A social movement perspective. *Journal of Sustainable Tourism*, 2019(27), 18–58.
- Mkrtchjan, N. (2013). Inner Migrations in Russia. In N. Mkrtchyan, E. Tyuryukanova (Comp.). *Migration in Russia 2000–2012. Reader in 3 volumes. V. 1: Migration processes and current issues of migration*, 589–601. Moscow: Speckniga. (In Russian).

- Naumova, M. (2020). New public spaces of Kronstadt: effects of museumification of the urban environment: Report at the city anthropological seminar of St. Petersburg. (In Russian).
- Nora, P. (1999). Between memory and history. Problematics of places of memory. In P. Nora, M. Ozouf, G. Puimegea, M. Winock. *France – memory*, 17–50. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. (In Russian).
- Panchenko, A. (2015). Anthropology and conspirology. *Forum for Anthropology and Culture*, 2015(27), 89–94. (In Russian).
- Podlesnaya, M. (2021). Small town in the context of the formation of agglomerations: a chance to survive or a blow from modernization? *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 9(3), 184–200. (In Russian).
- Rosenwein, B. (2008). *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca: Cornell University.
- Savin, S. (2014). Geographic imagination and spatial myths in oral tradition in Kronstadt. *Sravnitel'naja politika*, 17(4), 80–82. (In Russian).
- Wertsch, J. V. (2008). Collective memory and narrative templates. *Social Research*, 75(1), 133–156.
- Zamjatin, D. (2000). Space and heterotopy: to the semiotics of meta-geographic imagination. *Chelovek: Obraz i suschnost'*. *Gumanitarnyje aspekty*, 41(1), 29–52. DOI: 10.31249/chel/2020.01.02. (In Russian).
- Zhitin, D., Krish'yane, Z., Seki, G., Berzin'sh, M. (2020). Spatial differences in the post-Soviet era: a comparative study of St. Peterburg and Riga. *Baltic region*, 12(1), 85–114. DOI: 10.5922/2079-8555-2020-1-6. (In Russian).